

ОБЪЯСНЕНИЕ ЭКСПЕРТА В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ

Л. А. Зашляпин

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия

EXPLANATION OF THE EXPERT IN THE PRELIMINARY INVESTIGATION

L. A. Zashlyapin

Northwestern branch of the Russian State University of Justice

Аннотация: рассматривается возможность замещения допроса эксперта процедурой получения объяснения эксперта. Сегодня допрос эксперта парадоксально требует реализации активности эксперта, что более присуще процедуре получения его объяснения. Объяснение, не являясь доказательством, может быть получено в процедуре свободной диалоговой формы коммуникации носителя специальных знаний и следователя.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, доказательство, показания эксперта, допрос эксперта, объяснение, объяснение эксперта, тактика допроса.

Abstract: the article explores the possibility of replacing the interrogation of an expert with the procedure for obtaining an expert's explanation. Interrogation of an expert requires the activity of an expert. This is inherent in the procedure for obtaining an expert's explanation. An explanation is not proof. It can be obtained in a free dialogue form of communication between the bearer of special knowledge and the investigator.

Key words: criminal process, proof, proof, expert's testimony, expert's interrogation, explanation, expert's explanation, interrogation tactics

Постоянной задачей науки уголовного процесса является поиск противоречий в законе и системе права, выработка предложений по совершенствованию законодательства, верификация имеющихся теоретических позиций. В настоящей статье попробуем обосновать возможность замены допроса эксперта в стадии предварительного расследования получением объяснения эксперта.

Современная конструкция уголовно-процессуального закона содержит процедуру допроса эксперта, но это действие может восприниматься эклектичным, поскольку базируется на модели регулирования, присущей предыдущему законодательству. Консервативность правосознания юристов традиционно подвигает к заимствованиям институтов собирания и проверки доказательств из предыдущего закона, требуя

оглядки на актуальные принципы и квинтэссенцию всего действующего законодательства, что удается не во всех случаях.

В настоящее время в институте допроса эксперта проявляются идеи и правила Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР), хотя актуальные факторы процедур использования специальных знаний в предварительном расследовании существенно отличаются от советских, исключая заимствования. Возникающая дисгармония нормативной системы влечет нерациональность уголовно-процессуальной практики, провалы в реализации провозглашенных принципов и целей досудебного производства.

Поиск работ, посвященных объяснению эксперта в предварительном расследовании, на сайте <https://cyberleninka.ru/> результатов не дал. На сайте <https://elibrary.ru/> выявлена единственная статья, объектом исследования в которой явля-

ется законодательство и правоприменительная практика Республики Беларусь¹. В ней анализируются действующие положения ст. 237 УПК Республики Беларусь, регулирующие получение объяснения эксперта в стадии возбуждения уголовного дела. Для нас подобное не актуально постольку, поскольку объектная область представляемого в настоящей статье исследования связывается с получением объяснения эксперта *de lege ferenda* в стадии предварительного расследования (как конкурирующего с допросом эксперта действия). Отметим, что отечественная наука гражданского процессуального права активно обращается к исследованию объяснений, но в аспекте процессуальной деятельности сторон².

Получается, что российская наука уголовного процесса в настоящий период не обращает внимания на объяснение эксперта, хотя контекст ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) не исключает подобного. Это может быть знаком неизученной нормативной и правоприменительной ниши, а настоящая публикация – одной из первых, предметное знание которой фокусируется на объяснении эксперта в стадии предварительного расследования.

При этом частота использования специальных знаний в юридической практике видится возрастающей из десятилетия в десятилетие. Одной из форм этого является допрос эксперта, но нет ли в этом законодательной ошибки, неверного ориентирования практики?

В качестве методического приема здесь будет использоваться транспозиция института вопросов в допросах (процедурах объяснения) эксперта на институты участников уголовного процесса, доказывания и доказательств в уголовном процессе – нормативное масштабирование, когда маломасштабный нормативный объект (вопросы как элемент процедуры допроса или получения объяснения) гармонично проявляется или, наоборот, образует дисгармоничный нормативный конгломерат структуры действующего уголовно-процессуального закона.

¹ См.: Матвейчев Ю. А. Допрос и получение объяснения от эксперта на досудебных стадиях уголовного процесса в Республике Беларусь : пробелы в законодательстве и пути их устранения // Судебная экспертиза. 2018. № 1(53). С. 15–25.

² См.: Крипакова Д. Р. Процессуальная форма дачи объяснений лицами, участвующими в деле (теоретико-практический анализ) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. № 2(5). С. 111–116.

В ст. 205 УПК РФ определена процедура допроса эксперта в предварительном расследовании, но нормативная конструкция данного действия содержательно весьма схожа с соответствующим следственным действием в советском законодательстве. В первую очередь мы видим сохранение идейной базы регулирования допроса эксперта.

Показания эксперта рассматриваются как результат его допроса. Производство допроса эксперта есть форма уголовно-процессуального принуждения, реализуемая на основании процессуальных полномочий властного участника уголовного судопроизводства. Естественно, что это есть форма реализации его (следователя, дознавателя и т. д.) уголовно-процессуальной активности.

Уголовно-процессуальное принуждение в данной конструкции ориентируется на цели уголовного преследования. Предполагается, что допрос эксперта, позволяющий получить его показания, детерминируется процессуальной задачей собирания или проверки доказательств. Отчасти именно это и проявляется в отечественной практике досудебного производства, когда субъекты доказывания, реализуя функцию обвинения, в стадии предварительного расследования пытаются устранить следственные ошибки, допущенные им при собирании объектов для экспертного исследования и назначении судебной экспертизы (формулирования экспертного задания), стараются реабилитировать (придать обвинительный характер) вероятностным (или оправдательным) выводам эксперта.

Сравнение действующего и предыдущего законов показывает, что правила ст. 192 УПК РСФСР содержали аналогичное нормативное ядро регулирования допроса эксперта, что и указанная выше современная норма. Отличия состоят в следующем.

1. По советскому законодательству следователь был вправе произвести допрос эксперта для разъяснения или дополнения данного ранее заключения. Российский законодатель сузил предмет допроса эксперта задачей разъяснения заключения, что является ограничителем уголовно-процессуальной активности следователя (дознавателя и т. д.) при проведении допроса эксперта.

Задача дополнения ранее данного заключения, конечно же, позволяла бы субъекту доказывания задать эксперту дополнительные вопросы, определив этим предмет допроса и необхо-

димность законодательного регулирования процедур формулирования и использования вопросов в допросе эксперта. Сегодня необходимости в этом нет, ввиду того что процессуальной задачей действия является лишь разъяснение ранее данного заключения эксперта.

De lege lata лицу, осуществляющему предварительное расследование, разрешается допрашивать эксперта (предполагается, что и задавать совокупность вопросов, получая в результате совокупность ответов – показания эксперта) лишь для реализации оговоренной в законе задачи. Квалифицированное умолчание законодателя о возможности допроса эксперта в целях дополнения заключения является важным аргументом, позволяющим обратиться к проблеме объяснения эксперта. Дополнение заключения должно и может связываться с дополнительным экспертным заданием (перечнем вопросов в постановлении о назначении соответствующего экспертного исследования) следователя или иного лица, принявшего соответствующее процессуальное решение. Разъяснение же требует иной нормативно-юридической конструкции.

В случае обнаружения проблем (с точки зрения субъекта доказывания) в полученном заключении нормальным развитием алгоритма уголовного процесса видится возврат на этап назначения судебной экспертизы (цикличность процесса), который обеспечен необходимыми гарантиями для невластных участников уголовного процесса, отсутствующих в процедуре допроса эксперта. Особо это относится к случаям обязательного производства экспертизы (ст. 196 УПК РФ).

Считается, что основанием для допроса эксперта является обнаружение недостатка заключения эксперта. Полагаем, однако, что чаще всего повод для допроса эксперта – ошибки лица, осуществляющего предварительное расследование, на этапе собирания объектов, представляемых для исследования эксперту, и назначения судебной экспертизы.

2. Эксперт сегодня утратил право (как и все иные участники уголовного процесса) на собственноручное изложение своих показаний. Норма ст. 17 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ о ГСЭД) отсылает правоприменителя к уголовно-процессуальному закону, а правило ч. 3 ст. 57 УПК РФ не предостав-

ляет такого субъективного права эксперту, что рационально, поскольку иное создавало бы конкуренцию с письменным заключением эксперта, выполняемым по письменным вопросам в экспертном задании. В этом случае также можно констатировать наличие квалифицированного умолчания законодателя. Невозможность собственноручно дополнить экспертное заключение блокирует так называемую экспертную инициативу. В ходе допроса эксперта он, как предполагается, должен лишь отвечать на устные вопросы уполномоченного лица. Вопросы же в ходе допроса эксперта есть форма уголовно-процессуальной активности допрашивающего лица, но не эксперта.

Одновременно российский законодатель устранил проблемы правопонимания Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. (далее – УПК РСФСР 1923 г.) и Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., конкретизировал само содержание производства экспертизы, ранее воспринимаемых в аспекте правовой неопределенности, когда вопросы для производства экспертизы задавались в судебном заседании, после чего могло следовать ожидание письменных ответов. Сегодня письменная форма более категорично присуща заключению эксперта (ч. 1 ст. 80 УПК РФ), разъяснение же должно быть какой-то устной формой процессуальной коммуникации эксперта и следователя.

3. Действующий закон содержит прямой запрет на использование в допросе эксперта вопросов, предмет которых касается обстоятельств, о которых эксперт узнает в ходе производства экспертизы, но которые не относятся к предмету экспертного исследования, определенного постановлением лица, осуществляющего предварительное расследование (ч. 1 ст. 205 УПК РФ, ст. 31 ФЗ о ГСЭД). В этом случае также проявляется сужения предмета допроса (показаний) эксперта в отличие от допроса, например, свидетеля. Более того, полномочие следователя (ч. 2 ст. 38 УПК РФ) в анализируемой норме сводится лишь к его правомочию на допрос эксперта. Почему так происходит? Ответ, по нашему мнению, связан с особенностью нормативного регулирования уголовно-процессуальных отношений положениями УПК РФ и действующей Конституции РФ, отличного от регулирования этих отношений нормами уголовно-процессуального (конституционного) советского законодательства.

Субъект доказывания, собирая и проверяя доказательства посредством допросов (свидетеля, потерпевшего), реализует свои полномочия, а предмет допросов определяется целью доказывания (предметом доказывания, обязанностью доказывания вины). При допросе эксперта сегодня указанных регуляторов нет. Более того, из-за предполагаемой неясности заключения эксперта для субъекта доказывания в досудебном производстве возникает и неясность предмета допроса (содержания его вопросов эксперту). Имея запрет на одни вопросы эксперту, одновременно мы имеем проблему формулирования и использования других вопросов.

Обращаясь к анализу актуальной нормативной базы статьи о правилах допроса эксперта, прежде всего, обратим внимание на следующие положения.

Во-первых, в гипотезе нормы ст. 205 УПК РФ используется просторечная лексическая форма от глагола «разъяснить» (как задачи допроса), результатом чего по логике должно быть разъяснение эксперта в качестве содержания его возможных показаний. Однако более современной для русского языка лексемой является глагол «объяснить», что можно понимать и процессуальной задачей (гипотезой нормы «если надо объяснить...»), а процессуальным результатом такого действия будет объяснение. В силу консервативности правосознания юристов старый термин «разъяснение» сегодня доминирует в законе и правоприменительной практике, а понятие «объяснение» является элементом содержания стадии возбуждения уголовного дела (объяснения, получаемые при проверке сообщения о преступлении) и процессуальным атавизмом, имеющим минимальное регулирование (лишь упоминание в законе), например право подозреваемого давать объяснения (ч. 4 ст. 46 УПК РФ).

Фактически содержание нормы ч. 1 ст. 205 УПК РФ в ее диспозитивной части сводится к допросу эксперта, в ходе которого (в показаниях) носитель специальных знаний объясняет (т. е. делает понятным) следователю, дознавателю и т. д. свое заключение. Объектом объяснения (лицом, на которое направлена уголовно-процессуальная деятельности) является следователь (сегодня это допрашивающий), а субъектом деятельности (представления объяснения) – эксперт, выполнивший объясняемое заключение. Очевидно, что обнаруживаемая активность в этом случае принадлежит не допрашивающему

лицу, а допрашиваемому (эксперту). Присущее допросу принуждение (активность следователя) как бы размывается. Тогда допрос ли это?

Во-вторых, в положениях ч. 1 ст. 205 УПК РФ не упоминается правомочие эксперта собственноручно записать свои показания, на что мы уже обратили внимание. Здесь же подчеркнем, что следствием из этого (необходимостью в допросе) является использование в качестве обязательного элемента вопросов. Правомочие лица, осуществляющего предварительное расследование (руководителя следственного органа, следователя-криминалиста и т. д.), таким образом, должно сводиться к его правомочию задать эксперту совокупность вопросов. Без вопросов не могут быть получены ответы (показания). Без вопросов не может состояться процессуальная коммуникация в допросе между активным допрашивающим и допрашиваемым. Регулирование же вопросов в допросе эксперта в законе (в отличие от иных видов допросов) отсутствует. Надо полагать, что это осознанное решение законодателя. Вопрос как основной инструмент проведения допроса (реализации уголовно-процессуальной активности следователя или иного уполномоченного на допрос лица) в данном случае не регулируется (отсутствует как определенный законодателем инструментарий для получения показаний) потому, что для процессуальной коммуникации в целях объяснения заключения между носителем специальных знаний и лицом, назначившим судебную экспертизу в предварительном расследовании, такой необходимости нет.

Отсутствие у следователя процессуального средства (вопросов) ставит под сомнение возможность получения процессуального результата – показаний эксперта (совокупности ответов на вопросы). При оценке показаний эксперта, к которому нет вопросов, но есть ответы, должно возникать суждение о нелогичности этой ситуации.

Анализ приведенной нормативной базы регулирования допроса эксперта (с использованием института вопросов как элемента допроса) позволяет выйти на промежуточный вывод, что действующий уголовно-процессуальный закон имеет существенные дефекты в регулировании рассматриваемого процессуального действия, ставя научную задачу конструирования иной уголовно-процессуальной формы разъяснения заключения эксперта самим носителем специального знания.

Обращаясь к теоретической базе статьи, с включением в нее различных работ, касающихся объяснений в уголовном процессе, получаем следующую картину.

Так, одно из первых, обнаруженных нами, упоминаний объяснения связано с позицией М. С. Строговича в его учебнике 1946 г. Характеризуя показания и объяснения обвиняемого (для того периода действия уголовно-процессуального закона), данный автор отмечает, что объяснения есть «доводы... в свою защиту (здесь и далее курсив наш. – Л. З.)», «доводы, которые обвиняемый приводит в целях смягчения своей ответственности»³.

Чтобы понять приведенную точку зрения и соотнести ее с современной проблематикой, отметим, что УПК РСФСР 1923 г. лишь упоминал (совокупно с правилами допроса свидетеля) такое процессуальное действие, как допрос эксперта (ст. 170). При этом задачей такого допроса, как следует из правил данной статьи, являлось получение заключения эксперта. Объяснения эксперта в законе не упоминалось. То же, что М. С. Строгович приводит в качестве признаков объяснения, позволяет нам, однако, понимать объяснение в качестве процессуального инструмента не следователя, а лица, дающего объяснения (своя защита, свои цели, как пишет М. С. Строгович). Уже для действующего правопонимания нам, следовательно, необходимо фиксировать процессуальную задачу объяснения эксперта не как реализацию процессуального средства лица, обязанного доказывать виновность и в связи с этим собирать и проверять доказательства посредством совершения процессуальных действий, а как задачу объяснения (разъяснения, растолкования) уже имеющегося заключения эксперта, связанную с уголовно-процессуальной деятельностью последнего. Задача любого допроса связана с целями доказывания. Эти цели проявляются в полномочиях властных участников правоотношений (лиц, обязанных доказывать). Задача собирания новых и проверки уже имеющихся доказательств не присуща статусу эксперта в рассматриваемом действии.

Логично, что современный законодатель связывает допрос эксперта с разъяснением (ст. 205 УПК РФ). При этом возникает алогизм в части

использования допроса для разъяснения уже имеющегося доказательства.

М. С. Строгович, рассматривая форму получения объяснений обвиняемого, прямо подчеркивает, что это происходит вне допроса и не в процессуальной форме допроса, дополняя это указанием на то, что допрос – средство следователя, а объяснение – средство участника со стороны защиты⁴. Для нас же это является указанием на то, что современное предварительное следствие может связывать процедуру разъяснения экспертом ранее данного им заключения с процессуальной активностью эксперта, не являющегося субъектом доказывания, не реализующего уголовно-процессуальное принуждение. Он сам (и только он сам) объясняет свое заключение. Для этого необходима новая уголовно-процессуальная форма, отсутствующая в действующем законодательстве России.

М. А. Чельцов также писал о возможности понимания личных объяснений обвиняемого лишь как средства собственной защиты, в отличие от показаний обвиняемого, которые доминирующе необходимо рассматривать в качестве источника доказательств⁵. Указанное актуально и сегодня. УПК РФ не рассматривает показания эксперта в качестве автономного доказательства (п. 3 ч. 2 ст. 74). Современные показания эксперта – это то, что может следовать за заключением эксперта (ч. 1 ст. 205 УПК РФ). Содержанием показаний может быть только содержание заключения при сохранении в обоих случаях единства источника. В этом случае удвоение процессуальных актов не влечет получения двух доказательств.

При этом, на что мы указали выше, эксперт процессуально не обязан давать показания (ст. 16 ФЗ о ГСЭД, ст. 57 УПК РФ). Эксперт не несет уголовной ответственности за отказ давать показания (отвечать на вопросы допрашивающего лица) (ст. 308 УК РФ). Фактически правоотношения о допросе эксперта юридически не завершены, а имеющаяся уголовно-процессуальная форма дефектна. Если следователь имеет право допросить эксперта, без выделения в законе правомочия на вопросы эксперту, то эксперт обязан дать лишь заключение, но повод допроса – уже состоявшееся заключение эксперта. Оно может быть не ясным следователю, но оно

⁴ См.: Строгович М. С. Указ. соч. С. 205.

⁵ См.: Чельцов-Бебутов М. А. Советский уголовный процесс : учеб. для юрид. вузов. М., 1951. С. 181.

³ Строгович М. С. Уголовный процесс : учеб. для юрид. ин-тов и фак. М., 1946. С. 204–205.

содержательно определено объектами, представленными следователем (им собранных), экспертным заданием (совокупностью вопросов, приведенных в постановлении о назначении экспертизы) следователя, поручением производства экспертизы конкретному эксперту или экспертному учреждению (т. е. носителю конкретизированных специальных знаний и возможных методов их применения при производстве экспертизы), также доминирующе определенных самим лицом, назначившим производство судебной экспертизы.

Интерпретация позиции М. А. Чельцова для современного правопонимания и правоприменения несет идею автономности доказательства. Показания эксперта таковыми не являются. Автономно само заключение эксперта. При этом могут существовать объяснения эксперта, которым не требуется придания статуса доказательства. Объяснение – это лишь процессуальное (объясняющее) приложение к заключению. В доказывании (с учетом гарантий участникам процесса, предусмотренных в законе для процедуры его получения) должно использоваться лишь оно (заключение).

В отечественном науковедении отмечается, что «объяснение является одним из факторов понимания»⁶. Очевидно, что задачей эксперта в предварительном расследовании после дачи заключения являются его действия, дающие понимание его же заключения субъектам уголовного процесса, назначившим производство судебной экспертизы. При этом понимание может быть достигнуто в диалоге эксперта и следователя⁷. Указанное – не парадокс. Следует обратить внимание на вполне конкретную конструкцию, предложенную отечественным законодателем. Предоставляя правомочие следователю на допрос эксперта (ч. 1 ст. 205 УПК РФ), закон не предусматривает соответствующего правомочия на использование вопросов в этом допросе. При этом одновременно эксперту предоставляется

право задавать вопросы (ч. 3 ст. 57 УПК РФ), относящиеся к предмету экспертизы. В этом проявляется процессуальная активность эксперта. Следователь констатирует перед экспертом непонимание в какой-то части его заключения, эксперт своими вопросами следователю может уточнить конкретные положения, не ясные следователю, и объяснить их ему. Но это совершенно иной жанр процессуальной коммуникации, а не допрос следователем (иным лицом) эксперта.

В формальной логике считается, что «в хорошо сформулированном вопросе точное указание на категорию или множество, к которому относится искомое, является *необходимой его частью*»⁸. Примерно так считают и лингвисты. В вопросе (в том числе следователя эксперту), если он формально-логически и лингвистически корректный, должна содержаться как минимум половина ответа. Здесь, парадоксально для ученых-процессуалистов и криминалистов, должна всегда иметься какая-то наводка на ответ. Однако вопросы следователя эксперту не регламентируются законом, и он корректно не может их сформулировать потому, что его базой является заключение, а оно не ясно допрашивающему лицу. Для корректного вопроса эксперту необходимо использовать специальные знания, которыми, как предполагается, следователь не обладает.

Приведенные теоретические позиции, по нашему мнению, не исключают допущения в уголовно-процессуальный закон новой уголовно-процессуальной формы объяснения эксперта как проявления его уголовно-процессуальной активности, ориентированной задачей объяснения уже имеющегося заключения, представляющего из себя иной жанр процессуальной коммуникации, в которой вопросы эксперта следователю (и наоборот) не требуют нормативной регламентации.

В итоге, объединяя промежуточные выводы исследования нормативной и теоретической баз настоящей статьи, приходим к выводу, что российский уголовно-процессуальный закон в части допроса эксперта нормативно дефектен (не гармоничен его системе), что проявляется коллизией предлагаемой законодателем задачи для процессуального действия (разъяснения, растолкования уже имеющегося заключения эксперта) и процессуального средства – допроса,

⁸ Берков В. Ф. Логика вопросов в преподавании. Минск, 1987. С. 9.

⁶ Щербинина С. Г. Роль объяснения в развитии характеристик понимания // Мир науки, культуры, образования. 2012. №6. С. 296. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obyasneniya-v-razvitii-harakteristik-ponimaniya> (дата обращения: 11.08.2022).

⁷ См.: Щербинина С. Г. Взаимосвязь форм понимания, диалога и объяснения в учебном процессе // Известия Российского гос. пед. ун-та имени А. И. Герцена. 2013. № 162. С. 274. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-form-ponimaniya-dialoga-i-obyasneniya-v-uchebnom-protsesse> (дата обращения: 11.08.2022).

который видится не надлежащим инструментом разъяснения. В науке необходимо рассмотреть возможность дополнения закона правилами об объяснении эксперта (с элементами процессуального диалога) как конкурирующего (возможно, замещающего) положения о допросе эксперта. Объяснение заключения эксперта может быть свободной диалоговой формой коммуникации носителя специальных знаний со следователем.

Библиографический список

Берков В. Ф. Логика вопросов в преподавании. Минск, 1987. 54 с.

Крипакова Д. Р. Процессуальная форма дачи объяснений лицами, участвующими в деле (теоретико-практический анализ) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. № 2 (5). С. 111–116.

Матвейчев Ю. А. Допрос и получение объяснения от эксперта на досудебных стадиях уголовного процесса в Республике Беларусь : пробелы в законодательстве и пути их устранения // Судебная экспертиза. 2018. № 1 (53). С. 15–25.

Строгович М. С. Уголовный процесс : учеб. для юрид. ин-тов и фак. М., 1946. 511 с.

Чельцов-Бebutov М. А. Советский уголовный процесс : учеб. для юрид. вузов. М., 1951. 512 с.

Щербинина С. Г. Взаимосвязь форм понимания, диалога и объяснения в учебном процессе // Известия Российского гос. пед. ун-та имени А. И. Герцена. 2013. № 162. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-form-ponimaniya-dialoga-i-obyasneniya-v-uchebnom-protse>

Щербинина С. Г. Роль объяснения в развитии характеристик понимания // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obyasneniya-v-razvitii-harakteristik-ponimaniya>

References

Berkov V. F. Logic of questions in teaching. Minsk, 1987. 54 p.

Kripakova D. R. Procedural form of giving explanations by persons involved in the case (theoretical and practical analysis) // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2008. № 2 (5). P. 111–116.

Matveychev Yu. A. Interrogation and obtaining an explanation from an expert at the pre-trial stages of the criminal process in the Republic of Belarus: gaps in legislation and ways to eliminate them // Forensic examination. 2018. № 1 (53). P. 15–25.

Strogovich M. S. Criminal process: a textbook for legal institutes and faculties. M., 1946. 511 p.

Cheltsov-Bebutov M. A. Soviet criminal process: [Textbook for legal. higher textbook establishments]. M., 1951. 512 p.

Shcherbinina S. G. Interrelation of forms of understanding, dialogue and explanation in the educational process // Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen. 2013. № 162. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-form-ponimaniya-dialoga-i-obyasneniya-v-uchebnom-protse>

Shcherbinina S. G. The role of explanation in the development of the characteristics of understanding // World of science, culture, education. 2012. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obyasneniya-v-razvitii-harakteristik-ponimaniya>

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия

Зашляпин Л. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права
E-mail: leonid-zash@yandex.ru

Поступила в редакцию: 11.09.2022

Для цитирования:

Зашляпин Л. А. Объяснение эксперта в предварительном расследовании // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 243–249. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/243-249>.

Northwestern Branch of the Russian State University of Justice

Zashlyapin L. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Procedure Law Department
E-mail: leonid-zash@yandex.ru

Received: 11.09.2022

Recommended citation:

Zashlyapin L. A. Explanation of the expert in the preliminary investigation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 243–249. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/243-249>.